

Научная статья
УДК 398.21

**ОТРАЖЕНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
В ОБРАЗЕ КОТА/КОШКИ ИЗ РУССКИХ НАРОДНЫХ
СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ XIX–XX вв.**

Мария Сергеевна Киселева¹, Алёна Владимировна Козачёк²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹кандидат филологических наук, доцент, kiseleva.ms@dvfu.ru,

[https:// orcid.org/0000-0003-2846-570X](https://orcid.org/0000-0003-2846-570X)

²бакалавр, kezek@yandex.ru

Аннотация. В статье сопоставляются русские сказки о животных, записанные в XIX и XX вв. Дается характеристика принципов создания образа кота/кошки и отражения древнего комплекса народных представлений об этом животном в текстах из сборника А.Н. Афанасьева. Выявляется степень сохранности древних представлений и принципов создания образа кота/кошки в сказках второй половины XX в., зафиксированных в Сибири и на Дальнем Востоке. Определяется тип трикстера, который воплощает рассмотренный образ в сказках разных веков, характеризуется региональный компонент.

Ключевые слова: фольклор, сказки о животных, трикстер, образ кота/кошки, русский фольклор Сибири и Дальнего Востока.

Для цитирования: Киселева М.С., Козачёк А.В. Отражение архаических представлений в образе кота/кошки из русских народных сказок о животных XIX–XX вв. // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 1. С. 87–94.

Original article

**REFLECTION OF ARCHAIC IDEAS IN THE IMAGE
OF A CAT FROM RUSSIAN FOLK TALES ABOUT ANIMALS
OF THE XIX–XX CENTURIES**

Maria S. Kiseleva¹, Alena V. Kozachek²

^{1,2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, kiseleva.ms@dvfu.ru,

[https:// orcid.org/0000-0003-2846-570X](https://orcid.org/0000-0003-2846-570X)

²Bachelor, kezek@yandex.ru

Abstract. The article compares Russian animal tales recorded in the XIX and XX centuries. The characteristic of the principles of creating the image of a cat and the reflection of the ancient complex of folk ideas about this animal in the texts from the collection of A.N. Afanasyev is given.

The degree of preservation of ancient ideas and principles of creating the image of a cat in fairy tales of the second half of the XX century, recorded in Siberia and the Far East, is revealed. The type of trickster that embodies the considered image in fairy tales of different centuries is determined, the regional component is characterized.

Key words: folklore, animal tales, trickster, the image of a cat, Russian folklore of Siberia and the Far East.

For citation: Kiseleva M.S., Kozachek A.V. Reflection of Archaic Ideas in the Image of a Cat from Russian Folk Tales about Animals of the XIX–XX Centuries // Far Eastern Philological Journal. 2023. Т. 1, № 1. P. 87–94. (In Russ.)

В наше время сохраняется устойчивый интерес учёных к образу кота/кошки [2; 4; 5; 13 и др.], который играет важную роль как в традиционной, так и в современной культуре. Мы ставим перед собой цель проанализировать, насколько устойчив комплекс архаических представлений, связанных с данным животным, в русских сказках. Объектом исследования станут сказки о животных из двух сборников: А.Н. Афанасьева (XIX в., 10 текстов [8]: «Кот, петух и лиса» (СУС [12]: 61В) – 3 варианта; «Кот и лиса» (103) – 4 варианта; «Напуганные медведь и волки» (103+125; 130Д+126А*) – 2 варианта; «Медведь, собака и кошка» (101+100+119*) – 1 вариант) и Р.П. Матвеевой и Т.Г. Леоновой (2 половина XX в., 6 текстов [10]: «Дружба собаки и кота» (100+119*), «Про кошечку» (130), «Лиса и кот» (1+103), «Котушка и лиса» (20А+21), «Кот да петушок» (61В), «Кот и лиса» (103)). Новизну работе обеспечивает характеристика принципов отражения архаических представлений о коте/кошке и создания их образов в поздних записях (в сопоставлении с текстами XIX в.), а также выявление регионального (дальневосточного и сибирского) компонента, что комплексно исследователями ещё не осуществлялось.

В основе древних представлений славян о коте/кошке лежит двойственная символика этого животного. Анализ статьи А.В. Гуры позволяет выявить такие смысловые составляющие архаического восприятия кота/кошки, как: 1) воплощение нечистой силы, 2) покровитель домашнего очага, 3) оберег от злых сил и болезней, 4) проводник в потусторонний мир. Кот/кошка предстаёт как неоднозначный персонаж, воспринимаемый и негативно (как демоническое существо, чёрт, ведьма), и позитивно (как символ домашнего уюта и одно из воплощений домового, как животное, способное забрать болезни) [3, с. 637–640].

Двойственность образа отчётливо соотносит кота/кошку с трикстером – универсальным героем для многих культур, способным представлять одновременно в образе обманщика и жертвы, творца и разрушителя, дающего и отвергающего [9, с. 7], героя, который то выигрывает, то проигрывает в результате своих проделок, творит то добро, то зло [7]. В статье Ю.Е. Берёзкина есть схема типов трикстера, расположенных в противопоставлении: «свой» – «чужой», «слабый» – «сильный» [1, с. 98]. Кот/кошка по данной классификации является трикстером «своим» (принадлежит к миру людей) и достаточно «сильным» (обладает когтями и клыками, мелкий хищник).

В сказках о животных из сборника А.Н. Афанасьева XIX в. отчётливо прослеживается неоднозначность образа кота/кошки и его соотнесённость с трикстером. Преимущественно в текстах действует кот (кошку встречаем только в сказке «Медведь, собака и кошка»). Его образ создаётся разными способами: имена и обращения, речь, характер (в том числе характеристики от других животных и самохарактеристики), связанные с образом мотивы и принципы взаимодействия с другими персонажами, элементы портретной характеристики.

Кота часто называют уважительно: Кот Котонаевич («Кот, петух и лиса»), Котай Иванович («Кот и лиса»), Котонайло Иванович («Кот и лиса»). Сам он также представляется по имени-отчеству, говорит, что поставлен среди зверей леса бурмистром, претендуя на особое положение («Кот и лиса»).

В тексте «Кот и лиса» [8, с. 53] в речевой характеристике кота проявляется его жадность (поедая быка, рычит: «Мало, мало!»), а также стремление вызвать жалость у встреченной лисы: «Ах, лиса, как мне не плакать? Жил я у старика и старухи, поил-кормил их, стал стар, они и прогнали меня». Наблюдаем типичную для трикстера неоднозначность образа: одновременно и страшный, и жалкий.

Характеристика кота в сказках также противоречива. Он предстаёт и заботливым, и жестоким («Кот, петух и лиса»); и мелким пакостником, и ловким и опасным зверем («Кот и лиса», «Напуганные медведь и волки»). Лесные животные, описывая кота, дают ему характеристику как демоническому существу (голод, вздыбленная шерсть, огромный хвост): «Невелик, да прожорист! ...пожалуй, и до нас доберётся! ... Сам-то кот бурый, шерсть на нём стоит дыбом, а хвост так по земле и волочится!» («Кот и лиса») [8, с. 53].

В каждой сказке из сборника А.Н. Афанасьева, где присутствует кот/кошка, обозначается связь животного с домом (например, в трёх вариантах сказки «Кот, петух и лиса» кот предстаёт покровителем домашнего очага), в некоторых текстах есть мотив бездомности/изгнания, в других присутствует мотив поиска дома. Так, в сказке «Кот и лиса» кота выгоняют из дома, в других вариантах после скитаний он селится у лисы. Изгнание из дома наблюдается в сказке «Медведь, собака и кошка», в тексте «Напуганные медведь и волки» кот сам покидает дом.

Также в записях XIX в. с образом кота/кошки устойчиво связаны мотивы обмана, смерти и обжорства: кот (но не кошка, в сказке она говорит правду) способен провести диких животных, испытывает сильный голод, присутствует при смерти других персонажей или сам убивает их. Данные характеристики (особенно голод [7]) снова отсылают нас к универсальному для многих культур типу трикстера.

В записях XIX в. кот/кошка взаимодействует с 3 группами персонажей: дикими животными, домашними животными, человеком.

Взаимоотношения с дикими животными складываются по-разному. В текстах «Кот и лиса», «Напуганные медведь и волки» дикие звери боятся кота: «Сидит на пне да ломает его когтями: это на нас точит он свои ножи!», «Глаза так и горят! Только посмотрел на меня – и то дрожь проняла...» [8, с. 56]. Для них кот представляет опасность, так как является представителем другого мира, непонятного и несущего угрозу.

Особые отношения возникают у кота с лисицей. В сказке «Кот, петух и лиса» за похищение петушка он убивает лису и её дочерей. В сказке «Кот и лиса» именно лиса подталкивает кота к действиям, при которых раскрывается его образ, именно она пугает котом лесных жителей: «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест!» [8, с. 52]. Лиса, как и кот, является воплощением трикстера [11], поэтому их взаимодействие в сказке такое многоплановое: союз кота и лисы может обернуться смертью для волка, барана, быка или медведя; может закончиться свадьбой; лисица может скрыться от кота или быть убитой им; но никогда их взаимодействие не бывает нейтральным.

Отношения с домашними животными у кота в основном положительные, он часто выступает как их покровитель: в тексте «Кот, петух и лиса» защищает петуха; в сказке

«Напуганные медведь и волки» обманом уводит козла или барана со двора, но всегда может их защитить от волков и медведя.

Взаимодействие кота с человеком строится по-разному. Кот/кошка находится в доме, пока приносит пользу («Кот, петух и лиса», «Медведь, собака и кошка»), и лишается дома при провинности или бесполезности, возникшей в результате старости («Напуганные медведь и волки», «Медведь, собака и кошка»). Поскольку в сознании восточных славян образ кота/кошки постоянно воспринимался двойственно, возможно, в текстах сохранилось стремление избавиться от провинившегося или старого животного, пока оно не принесло несчастье (так, существовала вера, что в семилетнюю кошку вселяется дьявол и она становится нечистой [3, с. 637–640]).

В текстах XIX в. отчётливо прослеживается комплекс древних представлений, связанных с рассмотренными образами: кот/кошка изображается как животное с демонической сущностью (элементы портретной характеристики, связь с мотивами смерти и голода); как покровитель домашнего очага (устойчивое соотношение с домом); как проводник в потусторонний мир (мотив смерти, путешествие в лес); как оберег от злых сил (выступает защитником домашних животных и петуха).

Согласно типам трикстера, выделенным Ю.Е. Берёзкиным, кот в сказках XIX в. является «своим» для домашних животных и человека, но «чужим» для диких животных (однако в сказке «Кот и лиса» он «свой» для лисы). Рассматриваемый персонаж представляет тип «сильного» трикстера: силен за счёт пугающей внешности (горящие глаза, острые когти, вздыбленная шерсть) и физической силы (способен убить несколько лисиц).

В сказках о животных, записанных в Сибирском и Дальневосточном регионах во второй половине XX в., принципы характеристики кота/кошки во многом совпадают с теми, которые мы выявили в текстах XIX в.

Важную роль при характеристике образа кота/кошки играют имена и обращения. Как и в текстах XIX в. встречаем сказку («Кот и лиса»), где героя зовут Кот Котофеич, остальные персонажи его боятся и уважают, на что и указывает имя. Отношение передаёт и наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов: в тексте «Котушка и лиса» рассказчик любит природной хитростью кота, его способностью с обмануть других персонажей. В сказке «Про кошечку» в имени героини есть уменьшительно-ласкательный суффикс *-ечк-*, который снова указывает на ласковое отношение рассказчика к ней, а звери называют её по отчеству – Котофеевна, что свидетельствует об уважении. В двух текстах («Кот да петушок», «Дружба собаки и кота») имени у кота не обнаружено. В одной сказке («Лиса и кот») его зовут Васька, такой формой подчёркивается обычность кота, и действительно он в сказке лишь помогает лисе запугивать лесных зверей своим внешним видом. В наличии как уважительного, так и пренебрежительного именованья наблюдаем сохранение двойственности восприятия образа кота/кошки.

Манера говорить кота в текстах XIX и XX вв. практически идентична. Также в поздней записи («Про кошечку») представлена речь кошки, в которой часто встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Но, иди, садись к окошечку... Я кошечка, ты у меня зимовал» [10, с. 256]. В сказке XIX в. речь кошки такой особенности не содержала, а в приведённом примере подчёркивается женская природа животного.

Характер кота/кошки в записях XX в. и в сказках XIX в. схож своей неоднозначностью. Например, кот в тексте «Кот да петушок» представлен сильным и смелым защитником петушка. В сказках «Лиса и кот», «Кот и лиса», «Дружба собаки и кота» он уже ленивый

бездельник и эгоист, а в сказке «Котушка и лиса» – пакостник и хитрый обманщик. В единственной сказке, где главным действующим лицом является кошка («Про кошечку»), героиня представлена как добрая, заботливая и слабая по отношению к домашним животным и как храбрая и смертоносная по отношению к диким зверям и ворону, нападавшим на её дом: она смело атакует, вместе с гусем, петухом и бараном убивает зайца, лису, медведя и ворона, что позволяет ей и всем живущим с нею прокормиться зимой.

В записях второй половины XX в. наблюдаем сохранение соотношения кота/кошки с домом, а также мотивов изгнания и бездомности («Котушка и лиса», «Дружба собаки и кота», «Про кошечку»). Интересно, что в тексте «Котушка и лиса» мотив поиска котом нового дома утрачивается, что является нетипичным для записей XIX в. В сказке «Про кошечку» также находим особенность: подробно описывается, как кошка сама строит себе дом, ранее подобное не встречалось. Вероятно, в данных примерах наблюдается влияние бытовых реалий на поэтику фольклорного текста: от поведения выгнанных животных (кот убегает в лес) до принципов постройки дома (от рубки леса до возведения печи).

Устойчивым является мотив обмана, его обнаруживаем в сказках «Кот да Петушок», «Лиса и кот», «Кот и лиса» и «Дружба собаки и кота». Частотный для записей XIX в. мотив обжорства трансформируется в мотив голода («Дружба собаки и кота», «Про кошечку», «Котушка и лиса», «Кот и лиса»), что также приближает мир сказки к бытовым реалиям. Устойчив и связанный с образом кота/кошки мотив смерти («Дружба собаки и кота», «Про кошечку», «Котушка и лиса», «Кот да петушок», «Кот и лиса»). В сказке «Кот да Петушок» находим новый мотив – торговли шкурами убитых котом лис, что является региональной особенностью более поздних записей, отражением черт сибирского быта [6, с. 46].

Взаимодействия кота/кошки с дикими и домашними животными, а также с человеком в сказках XX в. имеют некоторые различия по сравнению с записями XIX в.

Сохраняется оппозиция дикие/домашние звери. Дикие животные часто боятся кота, его внешность и повадки внушают им страх: «Идёт кот Васька. Дорога-то грязная, кот ноги подергивает, грязь отряхивает. "У, сердитый какой!"» («Лиса и кот» [10, с. 240]); «... Медведь испугался: – До меня дело доходит! Спрыгнул медведь с лесины да бежать» («Кот и лиса» [10, с. 253]). Однако бытовые реалии оказывают влияние на сказку, в другом тексте мы встречаем эпизод, когда дикие животные угрозами заставляют кота взять их с собой: «Возьми, а то съем. Делать нечего – побежали» («Котушка и лиса» [10, с. 242]). У диких животных исчезает страх перед котом, и ему, чтобы избавиться от них, приходится идти на хитрость, заманив зверей в яму. В тексте «Про кошечку» кошка убивает диких зверей и съедает их мясо только при помощи других домашних животных, что изображает её реальные, а не фантастические физические возможности. В данном произведении мы встречаем и приближающие сказку к бытовым реалиям диалектные слова: «ошиньгать» (ощипать, растрепать), «ронжа» (сойка).

Особенные отношения складываются в сказках XX в. у кота и лисы. В тексте «Лиса и кот» лиса сначала зовёт Ваську на именины, но в конце, когда лесные звери пугаются и убегают от кота, она тоже скрывается: «А та и подумала: "Как бы и мне того же не было". Да и пустилась за всеми» [10, с. 240]. Здесь видим, что кот способен напугать лису и их намечающийся союз не складывается. В сказке «Котушка и лиса» кот становится причиной падения в яму диких животных, в том числе и лисы. Он способен обмануть лису, а она не может предугадать его хитрого замысла. В сказке «Кот да Петушок» кот убивает лисицу и её четверых лисят. Наблюдаем, что в текстах второй половины XX в. кот часто находится в оппозиции

к лисе, хотя изображение союза этих животных встречается в сказке «Кот и лиса», где брак двух плутов позволяет лисе манипулировать другими дикими животными: «Он у меня сердитый. Кое-кто не по ём – сейчас съес. Приготовь подарки, приходи познакомься» [10, с. 251]. Дикая лиса и домашний кот способны запугать, обмануть, подчинить лесных зверей, которые превосходят лису и кота в размере и количестве.

С домашними животными у кота/кошки в сказках поздних записей отношения неоднозначные. С одной стороны, они хорошие: в тексте «Кот да Петушок» кот защищает петушка, как и в аналогичной сказке XIX в., а в тексте «Дружба собаки и кота» собака является покровителем старого кота. Однако в сказке «Про кошечку» домашние животные относятся к кошке свысока, угрожают разрушить дом, если она не пустит их переждать зиму, а когда наступает весна, расходятся и не хотят общаться с героиней, несмотря на то, что она проявляла заботу о них.

Только в двух текстах («Котушка и лиса» и «Дружба собаки и кота») кот взаимодействует с людьми, и в обеих сказках его избивают и изгоняют из дома. В отличие от более ранних записей, кота не пытаются убить, возможно, это свидетельствует о приближении текста к реальности, об утрате образом некоторых демонических признаков.

В целом и в сказках второй половины XX в. кот и кошка всё так же опасны для диких животных: могут убить; косвенно повлиять на смерть; запугать или даже съесть. Домашние животные по-прежнему остаются под покровительством кота и кошки, но иногда могут их избегать. Отношения с человеком связаны с пользой, которую приносит кот/кошка: в текстах XX в., как и в более ранних записях, подчёркивается, что плохое отношение обусловлено характером кота/кошки или бесполезностью зверя для хозяйства из-за старости.

Архаические представления восточных славян, связанные с образом кота/кошки, более поздние записи, бытующие уже на других территориях, также сохраняют. В частности, благодаря связи с мотивом смерти и страху, внушаемому диким животным, кот/кошка предстаёт воплощением нечистой силы, о чуждой природе свидетельствует и некоторая отстранённость домашних животных от зверя. В сказках «Кот да Петушок» и «Про кошечку» реализуется древнее представление о коте/кошке как покровителе домашнего очага и обереге от злых сил. В тексте «Котушка и лиса» кот выполняет роль проводника-медиатора: лесные звери сами просятся идти вместе с ним. Двойственность натуры кота/кошки просматривается в каждом произведении: кот/кошка и страшный, и жалкий зверь; может и убить, и защитить; способен всё разрушить вокруг себя и построить уютный дом.

Рассмотрев характеристики и изменения в образах исследуемых персонажей в сказках второй половины XX в., мы можем отметить трансформацию типа трикстера, воплощаемого котом/кошкой. Это животное всё так же предстаёт защитником дома и домашних животных, что позволяет соотнести его с типом «своего» трикстера, однако в некоторых текстах происходит отчуждение кота/кошки от домашних животных, поэтому допустимо предположение, что кот/кошка-трикстер смещается в круг значений к типу «чужого» трикстера.

В русских народных сказках о животных, записанных в XX в. в Сибири и на Дальнем Востоке, где присутствует персонаж кот/кошка, сохранились основные приёмы создания его образа (речевая характеристика, характеристика качеств характера, элементы портрета, принципы наименования, комплекс связанных мотивов и способы взаимодействия с дикими и домашними животными, а также с человеком), что свидетельствует о стабильности восприятия данного животного в традиционной русской картине мира. Архаические представления о коте/кошке оказались устойчивыми в сказках и XIX, и XX вв., к их основным смысловым

составляющим относятся: кот/кошка – воплощение нечистой силы, кот/кошка как покровитель домашнего очага, кот/кошка как медиатор между миром людей и миром животных, кот/кошка как оберег от злых сил. Данные представления проявляют себя в основном на уровне мотивов, способов взаимодействия кота/кошки с другими персонажами, описания характера и элементов портретной характеристики. Сохраняется соотнесение кота/кошки с трикстером, однако тип трикстера обнаруживает тенденции к изменению: вместо «своего» и «сильного» трикстера кот/кошка начинает представлять как «сильный» и отчасти «чужой».

В качестве регионального компонента в текстах второй половины XX в. мы можем отметить акцент на сибирской и дальневосточной местности в описании пейзажа («Кот да Петушок»), связь имени одного из персонажей с северным животным («Дружба собаки и кота», пёс Соболь), диалектные слова «ошиньгала» и «ронжа» («Про кошечку») [6]. В сказке «Кот да Петушок» присутствует новый мотив – торговля шкурами, который отражает специфику Дальневосточного и Сибирского регионов [6]. Также в сказки проникает много бытовых реалий, образ кота/кошки изображается реалистичнее, отчасти утрачивает свою демоничность (ненасытная прожорливость сменяется обычным голодом, для победы над крупным врагом нужны помощники). Развитие получает гендерный аспект: кот всё так же остаётся героем большинства текстов, но раскрывается и образ кошки, с которым связывается разнообразная работа по дому, традиционно выполняемая женщиной (прядение, вязание и шитьё, приготовление пищи), а сама героиня предстаёт эмоциональной и нежной (уменьшительно-ласкательные суффиксы).

Список литературы

1. Берёзкин Ю.Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. СПб.: ИДПО, 2003. С. 97–164.
2. Гордеева З.А. Образ кошки в современной культуре // Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 1 (10). С. 112–114.
3. Гура А.В. Кошка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 637–640.
4. Киселева М.С. Кот/кошка как персонификация семейного духа-хранителя в современном русском фольклоре // Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 107–110.
5. Кондаков И.В. «Кот учёный» в русской и мировой культуре // Эйдос. 2015. С. 125–129.
6. Матвеева Р.П., Леонова Т.Г. Русские сказки Сибири // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных. Новосибирск: Наука, 1993. С. 10–50.
7. Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 25–28.
8. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева [Электронный ресурс]: в 3 т. / под ред. Л.Г. Барага, Н.В. Новикова. М.: Наука, 1984. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af1/af1r11.htm1> (дата обращения: 10.10.2022).
9. Радин П. Трикстер. Исследования мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1998. 288 с.
10. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с.
11. Соколова М.В. Феномен гостеприимства в русских народных сказках [Электронный ресурс] // Сервис в России и за рубежом. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-gostepriimstva-v-russkih-narodnyh-skazkah> (дата обращения: 10.10.2022).

12. Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка [Электронный ресурс] / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/sus> (дата обращения: 10.10.2022).

13. *Томова У.А.* Наименование домашних животных и птиц в сказках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 23 с.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.01.2023.

The article was submitted 30.10.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.01.2023.